

В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

«РУССКИЙ СЕЗОН» В ПАРИЖЕ

Гастроли МХАТа, проходившие недавно в Париже, открыли «русский сезон». (Вслед за спектаклями Художественного театра парижане увидят «Братья и сестры» в постановке Л. Додина, «Палату № 6» — Ю. Еремина и «Серсо» в режиссуре А. Васильева). Театр играл «Чайку» и «Дядю Ваню» во Дворце Шайо, в огромном зале, честно говоря, мало приспособленном для чеховских постановок.

В зеркале прессы — преимущественно в газетах (журнальных статей у нас пока нет) — чеховские спектакли нашли самое разнообразное отражение. О «Чайке» в «Либерасьоне», например, было сказано так: «...Олег Ефремов с большим тактом, смирением и знанием дела придерживается самых высоких мхатовских традиций, пути Станиславского и школы Чехова... Декорация пронизана скользкими бликами и мягко, словно снежинками падающим светом, еле уловима далекая, чуть печальная мелодия, но главное — это игра актеров, говорящих ровно, тихо, плавно, но шепча и не впадая в декламацию. Это и есть простое течение чеховской пьесы...»

Критик Мишель Курно на страницах «Монд» спектакль «разнес», при этом ему не понравились не только современные актеры — он упоминает и Станиславского, который катастрофически плохо сыграл Тригорина. Конечно, чи-

тать критические статьи полезно, они обновляют кровь, но все-таки, думаю, что такая respectable газета могла бы найти не бульварный тон и проанализировать мхатовскую работу на ином, более профессиональном уровне.

Что касается «Дяди Вани», то этот спектакль имел очень большой зрительский успех. Правда, тот же критик «Монд» и тут нашел способ уколоть МХАТ. Способ, хорошо известный и нашим критикам. Он противопоставил Смоктуновского (Иннокентий Михайлович играл дядю Ваню) всем остальным актерам. О Смоктуновском-Войничком сказано так: «Если вы хотите увидеть бога на сцене — смотрите Иннокентия Смоктуновского в роли дяди Вани. Он один из самых замечательных артистов Советского Союза... Этот актер, кажется, забывает сам, забывает о нашем существовании...» А дальше следует замечательный пассаж, который призоду почти полностью: «Это был бы редкий спектакль, если бы великий Смоктуновский находил вокруг себя хоть какой-то отклик. Но нет... Актеры, не меняя слов, искажают чеховский текст, — одной только своей диkcией, официальной советской ораторской диkcией, полной скандирования, размеренной и покровительственной. Русский язык Чехова уже не существует сегодня в России, люди говорят, а драматурги пишут языком более

органичным, выпрямленным, не таким гибким и тонким... Такое впечатление, что пьеса, прежде чем появиться на сцене, обличилась в этакый бюрократический мундир...»

Думаю, это не требует комментариев. Интересно, с полным пониманием, написал о замысле спектакля критик «Либерасьон» Жан-Пьер Тибода: «Хорошие актеры, выбранные О. Ефремовым; кажется, возникают словно тени из декораций В. Левентала. Ни одной резкой остроты, все проявляется постепенно — голоса, жесты, страдания, окутанные дымкой чаепитий, утомленные нервные тяжелые тела и вдруг, в едином порыве, любовное отчаяние, слезы. Но ни одной истерики. Олег Ефремов, руководитель театра, основателем которого был Станиславский, видит в своем далеком предшественнике не столько догму или «метод», но мораль. И мэтр узнает свои...»

В рамках гастролей состоялся коллоквиум, посвященный системе К. С. Станиславского, который проводили Антуан Витез и Олег Ефремов. В числе участников были ученые из Франции, США, Бельгии, Италии, ГДР, Польши, СССР. Это был очень содержательный разговор, выявивший множество проблем, связанных с пониманием идей Станиславского в современном мировом театре. Выяснилось, например, что перевод Элизабет Хэпгуд книги «Работа актера над собой», вышедший в середине 30-х годов, совершенно неудовлетворителен, а между тем именно с английского (а не с русского!) текста потом в большинстве стран переводили главную книгу Станиславского. Тут есть над чем задуматься и ученым-театроведам, и издателям трудов одного из основателей Художественного театра.

М. ЗОНИНА.

Сов. кинематограф - 1988 - 29 окт. - с. 10.